

—
Как и сказал Фу Мин, армия, призванная подавить восстание, выступила по расписанию, несмотря на бушующую непогоду.

Северный ветер завывал, большое знамя развевалось. Дороги были грязными, но войска двигались стройно.

Цзинь И возглавлял подкрепление. На фронте уже находились войска, сражавшиеся с врагом. После прибытия подкрепления они могли начать полномасштабное окружение и подавление.

—
На юг от столицы погода постепенно улучшалась, и войска, преодолевая горы и реки, наконец вошли в южные земли. Но в Таньчжоу, всего в нескольких сотнях ли от зоны конфликта, их настигло невиданное за десятилетия ледяное бедствие.

Только что растаявший снег снова сменился похолоданием, и выпал толстый слой нового снега. Так повторялось снова и снова, постепенно образуя лёд. А к югу от Таньчжоу было много гор, и некоторые официальные дороги были проложены прямо по ним. Снег завалил перевалы, ледяные дороги были непроходимы, и армия оказалась заблокирована. Ситуация на фронте обострилась, и несколько писем с просьбой о подкреплении уже дошли до Цзинь И.

Цзинь И проанализировал ход боевых действий и понял, что нельзя медлить. Он отправил войска на разведку во всех направлениях, чтобы найти другие проходимые пути, и приказал солдатам рубить лёд, чтобы расчистить дорогу.

Посланные люди ещё не дали точного ответа, а рубка льда не могла быть завершена в одночасье. В то время как все генералы и стратеги были в отчаянии и не знали, что делать, один низший офицер вызвался добровольцем.

Доброволец был допущен в палатку Цзинь И.

«Кто ты? И что за план у тебя есть?» — прямо спросил Цзинь И.

«Докладываю генералу Цзинь, я, Цзян Исунь, родом из этих мест. Когда-то я торговал здесь с моими старшими родственниками и хорошо знаком с местностью. Знаю несколько дорог, которые должны быть ещё проходимы. Хотя они не так широки, как официальные, но если разделить войска, это определённо не задержит помощь фронту».

Цзинь И приказал ему встать, и только тогда заметил, что хотя голос пришедшего был громким, как колокол, он выглядел очень молодым. Цзян Исунь достал из-за пазухи собственноручно нарисованную карту и разложил её на столе.

«Генерал Цзинь, посмотрите, вот здесь расположен текущий лагерь армии, а официальная дорога отсюда извивается на юг. Эти несколько гор — те, что мы должны пройти, двигаясь по официальной дороге. Но кроме официальной дороги, в этом ущелье есть другая дорога, по которой часто ходят пастухи, а вот здесь — уже заброшенная старая чайная и конная дорога, по которой, однако, всё ещё можно пройти. Есть также водный путь, который, хоть и ведёт в Шучжоу, но можно использовать его часть, чтобы добраться до южной части Таньчжоу. В южной части снег и лёд не стали бедствием. Таким образом, три дороги идут параллельно, что

может решить насущные потребности армии».

Цзинь И внимательно изучил карту и спросил: «Откуда ты знаешь, что дорога в ущелье ещё не покрыта льдом?»

Цзян Исунь ответил: «Три года назад погода тоже была довольно холодной, но та пастушья тропа была теплее, чем другие места. Я тщательно разведал, что направление горных хребтов здесь довольно своеобразное, оно может блокировать северный ветер, и есть испарения от горячих источников, так что родниковые воды даже зимой остаются тёплыми. Поэтому я предполагаю, что в настоящее время этот путь ещё не замёрз».

Цзинь И немедленно приказал скопировать карту, отправить нескольких всадников с картой для быстрой разведки пути, а большая армия тем временем должна была подготовиться к повторному выступлению.

Вскоре слова Цзян Исуня подтвердились, армия снова двинулась в путь, разделившись на три колонны, и собралась в городе Фучэн на юге Таньчжоу.

—

В южных землях всё ещё бушевала война, а столица вступила в оживлённый предновогодний период.

Обмен подарками, изобилие новогодних товаров, перед воротами каждого дома и двора, на шумных улицах и рынках — повсюду были бесконечные потоки повозок и людей.

Наложница Ван принесла список новогодних подарков, предназначенных для отправки в поместье Фу, и попросила Фу Мина просмотреть его.

Хотя Фу Мин был родом из поместья Фу, за этот год поместье Цзинь и поместье Фу не очень часто общались. Фу Мин лишь однажды посетил поместье Фу в день возвращения, в сопровождении Цзинь И. Отношение старших к нему, хоть и стало немного уважительнее, всё же оставалось равнодушным, и после этого он больше не возвращался. В праздники обе семьи лишь отсылали случайные подарки, лишь бы не выглядет неприлично. Однако Новый год — это другое. Если быть слишком небрежным, то даже формальности будут выполнены кое-как, и посторонние будут смеяться.

Фу Мин просмотрел первоначальный список подарков, составленный наложницей Ван, от начала до конца и указал на несколько пунктов, сказав: «Это уберите, остальное уменьшите вдвое».

«Это...» — наложница Ван улыбнулась. «Я проверила записи поместья за прошлые годы. До смерти покойной госпожи, наша семья отправляла в поместье Чжоу те же самые вещи. И даже после смерти покойной госпожи сохранялось семьдесят процентов. Теперь же, отправляя в поместье Фу, это составит менее половины, что противоречит этикету».

Фу Мин сказал: «Мы оба знаем, что поместье Чжоу и поместье Фу — это не одно и то же, это нам обоим понятно. Тебе не нужно прикрываться этими правилами, я знаю, о чём ты думаешь. Моё мнение таково, и если ты не согласна, можешь пойти и спросить у старой госпожи. Если ты осмелишься действовать по своему усмотрению, то за любые последующие проблемы будешь отвечать сама».

«Ты...» — наложница Ван не ожидала, что Фу Мин будет так прямолинеен и груб, и тут же

вышла из себя, холодно усмехнувшись: «Вот так Фу Гунцзы! Когда хозяина нет, он, пользуясь своим положением, так притесняет наложницу. Я, Ван Нинсюэ, с детства поступила в поместье Цзинь, была обласкана старой госпожой, и всегда была рядом с господином, даже старые слуги в этом поместье должны были уважать меня. В те дни даже покойная госпожа никогда так со мной не разговаривала, кто ты такой, что не потрудился протереть своё мутное зеркало и рассмотреть всё как следует!»

Фу Мин бросил список подарков и сказал Вань Лань: «Выпроводи гостью». С этими словами, не оглядываясь, он ушёл за ширму, чтобы посидеть у огня и почитать книгу.

Вань Лань наполовину попросила, наполовину вытолкнула наложницу Ван за дверь, а затем с силой закрыла ворота двора, одновременно заглушив нарочито громкий плач наложницы Ван снаружи.

После полудня Жэньлань пришла в Фан Мань Тин. Войдя, она увидела на письменном столе Фу Мина груды тканей. Он внимательно рассматривал ткани, время от времени что-то записывая на бумаге.

Жэньлань спросила: «Что делает брат Мин?»

Фу Мин ответил: «Брат Лэсюй открыл новый магазин тканей, и это ткани, которые он купил в разных местах. Они довольно редкие в столице. Он считает, что названия, данные производителями этим тканям, не очень красивы, поэтому он попросил меня помочь придумать несколько названий».

Жэньлань, услышав это, подошла и внимательно рассмотрела ткани: «Действительно, редкие, и цветов много необычных!» Она выбрала один кусок: «Этот зелёный цвет светлее, чем все, что я видела раньше, но это не бледный, безликий светлый. Как бы сказать... он похож на молодую весеннюю траву в саду, нежный, полный весеннего настроения, вызывающий симпатию».

Фу Мин немного подумал и с улыбкой сказал: «Раз так, этот цвет можно назвать цветом новой травы, а сам материал, пожалуй, назовём Расцветающая весна».

Жэньлань непрерывно кивала и смеялась: «Как хорошо! Братец Мин действительно быстр. Глядя на эту ткань, думая об этом названии цвета и названии ткани, мне так и хочется поскорее купить немного и сшить себе одежду!»

Они долго обсуждали ткани и были очень взволнованы. Они даже подробно изучили каждую из тканей.

Фу Мин отложил кисть: «Действительно, в этом деле девушки более изобретательны. Сестра Жэньлань совершила большой подвиг, я обязательно попрошу братца Лэсюя сшить одежду из тех видов ткани, которые тебе понравились, и прислать в благодарность сестре».

Жэньлань тихо опустила голову и ответила: «Брат Мин слишком много говорит, я просто играла, какой же это подвиг? И не могу получить награду без заслуг».

Фу Мин улыбнулся и не стал развивать тему. После нескольких минут непринуждённой беседы Жэньлань сказала: «Брат Мин, знаешь, я сегодня видела у старой госпожи такую сцену!»

«О?»

«Перед обедом наложница Ван пошла к старой госпоже и плакала, говоря, что она составила

список подарков, чтобы ты, брат Мин, просмотрел его. Она не сэкономила на новогодних подарках для родственников только из-за того, что ты, брат Мин, вторая жена, а ты, брат Мин, сказал, что она скрывает корыстные мотивы, и даже приказал служанкам выгнать её. Она путалась в словах, наговорила много всего, я слушала и злилась, и смеялась одновременно».

Фу Мин спросил: «Что сказала старая госпожа?»

«Старая госпожа тоже немного ею раздражена, не стала много говорить с ней о ваших делах, а просто сама составила список и велела ей отправить подарки в поместье Фу по этому списку. Я смотрела, и там было сокращено почти наполовину, брат Мин, ты...»

Фу Мин засмеялся: «Вот и хорошо, я сам так и думал».

«Ты не возражаешь?»

Фу Мин покачал головой: «Этикет всегда должен соответствовать человеческим отношениям. Ты, должно быть, и сама понимаешь мои отношения с тем поместьем, так что этого достаточно».

Жэньлань засмеялась: «Я всегда считала, что брат Мин — человек проницательный, однако, сестрёнка всё же осмелится сказать несколько слов, надеюсь, брат Мин не будет ругать меня за болтовню».

«Как такое возможно? Говори».

«Письма с юга сообщают, что поход проходит успешно, и ситуация на фронте весьма оптимистична, так что, вероятно, через два-три месяца они вернутся. Наложница Ван... честно говоря, мне не стоило бы говорить о ней, но её характер с годами изменился, она очень научилась лести, и к тому же она ревнива. Когда она угодит старшему брату, она будет говорить о тебе плохо, брат Мин, а старший брат, не зная правды, будет очень предвзят к тебе. Хоть ты, брат Мин, и проницателен, но твой характер тоже немного упрям, ты не хочешь многого говорить, и перед старшим братом ты тоже держишь язык за зубами. Разве это не означает, что любые недоразумения между вами будет трудно объяснить? В конце концов, это нехорошо».

Фу Мин, услышав это, засмеялся: «Я понял, спасибо, сестра Жэньлань за беспокойство».

«Хорошо, что брат Мин не считает меня болтливой, я, девушка из внутренних покоев, говорю об этом, это действительно превышает рамки приличия, но я действительно не могла не волноваться. Сегодня наложница Ван говорила гадости перед старой госпожой, но старая госпожа так умна, как она могла поддаться на её уловки? Но мой старший брат не понимает этих вещей, и нельзя гарантировать, что он не будет слушать односторонне и верить». Сказав это, Жэньлань прикрыла рот кончиками пальцев. Ей стало немного стыдно за то, что она нечаянно сказала неуважительные слова в адрес своего старшего брата.

Фу Мин почувствовал себя тронутым, помолчал немного, а затем сказал: «Я запомнил слова сестры. Будучи мужчиной, я не хотел бы заикливаться на этих пустяках, но я обязательно оправдаю добрые намерения сестры и впредь буду более внимателен».

Жэньлань успокоилась и с улыбкой сказала: «Я знаю, что брат Мин — человек рассудительный, поэтому я и болтала, не обращая внимания ни на что. Кроме того, есть ещё одна небольшая идея».

«Сестра, говори».

«Когда мой старший брат вернётся, наложница Ван и другие, естественно, уже придумают, как устроить ему торжественный приём. А ты, брат Мин... не будь слишком равнодушным. Я вовсе не хочу, чтобы ты, брат Мин... добивался расположения». Щёки Жэньлань слегка покраснели, но она продолжала: «Но вы всё-таки семья, и близость и забота — это естественное человеческое чувство».

Фу Мин засмеялся: «Я понял, если это так, у меня есть кое-какие мысли. Тогда мне понадобится помощь сестры».

«О? А какая помощь?» — Жэньлань стало любопытно.

«Расскажу сестре через несколько дней».

Жэньлань кивнула в знак согласия: «Хорошо, я всегда готова».

Они снова немного посмеялись, и Жэньлань с улыбкой попрощалась и ушла.

—

Перед Новым годом в поместье Цзинь было доставлено несколько комплектов новой зимней и весенней одежды, которые были переданы Жэньлань.

—

<http://bllate.org/book/12585/1118418>